

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

Древние жилища Забайкалья

по направлению подготовки *История*

образовательная программа бакалавриата *История*

профиль: *Археология*

Выполнил:
студент IV курса
очного отделения
Лаверин Алексей Иванович

Научный руководитель
Кандидат исторических наук, доцент
Беляева Валентина Ивановна

Санкт-Петербург

2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1

История изучения

ГЛАВА 2

Студеное

Усть-Менза

Санный Мыс

Варварина Гора

Толбага

ГЛАВА 3

Прибайкальская стоянка Мальта

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Забайкалье — природная и географическая область в восточной части России (Сибирский федеральный округ), к востоку и юго-востоку от озера Байкал. Здесь расположены Забайкальский край, большая часть Бурятии и частично Иркутская область (восточная часть). Рельеф Забайкалья определяется чередованием высокогорных хребтов Хамар-Дабана, Джидинского и Баргузинского в западной части, переходящими к востоку и югу в среднегорные хребты. В северном Забайкалье — сильнорасчлененные высокогорные хребты Станового нагорья с ледниками. В Забайкалье, отчётливые позиции занимает река Селенга с притоками Чикой, Хилок и Уда. К этому региону в основном и будет привязана моя работа. Этот регион активно изучается с начала XIX века и до нашего времени.

Моя работа посвящена теме древних жилищ Забайкалья времени палеолита и мезолита. Тема жилищ является одной из ведущих в археологической науке. Цель работы: дать описательный анализ жилищ Забайкалья и сравнить его со стоянкой Мальта, находящейся в Прибайкалье.

ГЛАВА 1

История изучения

Одним из первых исследователей древностей Забайкалья стал Николай Александрович Бестужев (1791 – 1855 гг.) – происходил из дворянского рода Бестужевых, военно-морской офицер, художник, изобретатель, историк и писатель. Он был участником движения декабристов, за это его отправили на каторгу. А после истечения срока каторги Н. А. Бестужева сослали в Селенгинск, где он жил с 1839 по 1855 годы. Там он активно занимается различными видами деятельности, в том числе его привлекла этнография, история и археология здешних мест. Он обнаружил наскальные изображения на Селенге, а так же остатки ирригационных сооружений первых земледельцев Забайкалья. О чём он написал в своих рукописях: «О наскальных изображениях вблизи Селенгинска», «Несколько надписей на Селенге», «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье». К сожалению, эти рукописи не сохранились, но о них известно из свидетельств его современников. Так же Н. А. Бестужев написал краеведческие статьи «Гусиное озеро» и «Очерки забайкальского хозяйства», в которых изложен этнографический материал по местному бурятскому населению. Так же в «Гусином пере» приведены некоторые данные по географии и геологии Забайкалья.

Следующим исследователем Забайкалья, а так же Сибири и Азии в целом, был князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921 гг.). Он был офицером, географом, геологом, историком, политиком и революционером. В 1862 году молодым казачьим офицером он отправился на службу в Читу. Участвовал в различных экспедициях, где занимался исследованиями в

области геологии, географии, картографии, истории и этнографии. Основная проблема его исследований была связана с распространением ледниковых явлений в Сибири. В ходе работ он пришёл к выводу, что ледниковые явления имели распространения на Восточную Сибирь. В дальнейшем, уже находясь в заточении в Петропавловской крепости за антиправительственную деятельность, он написал труд «Исследования о ледниковом периоде» (1876), где обобщённо сформулировал идею о материковом оледенении.

Во время экспедиций по Сибири П. А. Кропоткин фиксировал любые найденные вещи, связанные с деятельностью древнего человека. Во время сплава по реке Лене он предположил, что Ленские пещеры могут иметь перспективы для исследования в них остатков человеческой деятельности. Он совершил поездку по Байкалу для того чтобы осмотреть пещеры на Кадильном мысу, где было найдено три черепа. П. А. Кропоткин так же проводил антропологические описания встреченных местных жителей и проводников во время экспедиций. Он так же отмечал некоторые этнографические элементы, делал записи о тунгусах, бурятах и якутах. Описал их понимание и мнение о пришедшей европейской культуре, о взаимоотношения между собой и их понимание окружающего мира.

В 1866 году в Олёкминско-Витимскую экспедицию под руководством П. А. Кропоткина поехал его ученик молодой исследователь – Иван Семёнович Поляков (1845 – 1887 гг.). Он родился в семье казака в станице Ново-Цурухайтуевской Забайкальской области. И. С. Поляков занимался в экспедиции зоологическими и ботаническими исследованиями, но в отчёте так же написал некоторые этнографические заметки (1868). Следующая его экспедиция была уже в Восточные Саяны. Там он проводил природно-исторические исследования, в том числе изучает древние дюнные стоянки на р. Тунке. Он применил новаторскую для своего времени типолого-морфологическую характеристику предметов. Суть её в выделении типов и детальное описание каждого из них. И. С. Поляков описал форму предмета и характер обработки, указал исходную породу, размеры, пытался определить

его функции и место изготовления, проводил археологические и этнографические аналогии. Иван Семёнович составил физико-географическое описание местности, а также старался выяснить по естественным обнажениям и собственным зачисткам геологическую позицию находок. Он так же включал древние человеческие черепа в состав собираемой коллекции. В свой научный отчёт И. С. Поляков поместил этнографические зарисовки образа жизни тункинских и джидинских жителей. После экспедиции И. С. Поляков уехал в Петербург и поступил в Петербургский университет. Стал сотрудником Зоологического музея Академии Наук, защитил магистерскую диссертацию, продолжил зоологические и археолого-этнографические изыскания по всей России. В 1879 году Иван Семёнович открыл стоянку в селе Костёнки Воронежской области.

Один из этапов в изучении древностей Прибайкалья связан с именем Ивана Дементьевича Черского (1845 – 1892 гг.). Он был исследователем Сибири, географ, геолог, палеонтолог. И. Д. Черский из польских дворян, родился в родовом имении Сволна в Виленской губернии. Участвовал в Польском восстании 1863 года, за что был осуждён на рекрутскую службу и сослан в Сибирь. В 1869 году И. Д. Черский уволен со службы, а в 1871 году он приехал в Иркутск. В 1871 году он открыл палеолитическое поселение Военный госпиталь в Иркутске. В культурном слое стоянки были обнаружены украшения и предметы искусства из бивня мамонта, каменные изделия и кости животных. Фауна, по мнению И. Д. Черского, была представлена костями быка и лошади. В 1880 году И. Д. Черский обследовал в долине реки Селенги небольшую пещеру недалеко от устья реки Итанцы. Им были обнаружены кости косули, кости человека и гребень из оленьего рога. Обобщая материалы экспедиционных исследований разных лет, И. Д. Черский постепенно определил свои позиции по важнейшим вопросам характера древней природы Сибири и возраста открытых им памятников. В отличие от П. А. Кропоткина, он считал, что в Сибири ледники получили

только локальное распространение. И. Д. Черский считал, что человек появился в Сибири на ранних этапах «постплиоценовой истории», но фактические материалы характеризуют только конец ледникового периода. Время существования Военного госпиталя он отнёс к концу верхнего палеолита.

В одну из поездок на Селенгу И. Д. Черский пригласил Николая Ивановича Витковского (1844 – 1892 гг.). Он так же был польским дворянином из Витебской губернии и принимал участие в Польском восстании 1863 года, за что был отправлен в ссылку в Прибайкалье. И. Д. Черский содействовал устройству на работу Н. И. Витковского в Иркутский музей. Первые раскопки Н. И. Витковский провёл в 1880 году на Ангаре, изучая Китайский неолитический могильник. В 1881 году Н. И. Витковский и И. Д. Черский отправились в совместную байкальскую экспедицию. Они проделали большой путь, длиною 1795 км. Ими были обследованы нижнее течение Джиды, Чикой, Мухор-Шибирь, побережье Байкала, между устьями Селенги и Кикой. Н. И. Витковский в своих дневниковых записях отмечал то, что памятники разрушаются населением и временем, и это влечёт за собой потерю уникального материала. То есть он поставил вопрос о необходимости охраны памятников археологии.

Научные исследования в Байкальском регионе постоянно привлекали внимание другого крупнейшего археолога того времени, графа Алексея Сергеевича Уварова (1825 – 1885 гг.). Основной работой А. С. Уварова была монография «Археология России», вышедшей в 1881 году, где он обобщил известные тогда данные по археологии. В плане геологии в рассуждениях о ледниковом периоде А. С. Уваров опирается на данные П. А. Кропоткина по Витимскому нагорью и геолога А. Л. Чекановского по Саянам и Байкалу.

Один из важнейших вопросов, который волновал А. С. Уварова, состоял в том, жил ли человек в Сибири и вообще в России в эпоху мамонта. А. С. Уваров привёл данные о находках костей мамонта совместно с орудиями в стоянках Гонцы (Полтавская обл.) и Карачарово (Владимирская обл.),

доказывающие, что человек заселял территорию России с эпохи палеолита. Он указал 268 пунктов, где обнаружены кости мамонтов и носорогов, 16 из них приходится на Сибирь. А. С. Уваров считал, что палеолит Азии древнее европейского, так как Сибирь, по его мнению, является родиной мамонта. На европейский материк палеолитический человек попал, идя следом за мамонтом. Учёный выделял «переходную эпоху» между палеолитом и неолитом. Отличительной чертой эпохи он считал появление шлифованных каменных орудий, а наиболее подходящими для характеристики находками – сборы И. С. Полякова и И. Д. Черского из Тунки.

На юге Забайкалья работал археолог и учитель Александр Павлович Мостиц (1865 – 1899 гг.). Полевую школу он прошёл у И. Т. Савенкова на палеолитической стоянке Афонтова гора у Красноярска. Так же он перенял знания у А. С. Еленева – преподавателя Красноярской учительской семинарии, начавшего в 1885 году исследования енисейских пещер. В 1886 году А. П. Мостиц учительствовал в селе Тарбагатай. В 1894 году в Кяхте он опубликовал свою первую научную работу, посвящённую археологическим находкам в окрестностях слободы Усть-Кяхты. Кяхта его привлекла возможностью работать в научном кружке. В 1894 году на базе научного кружка создаётся Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского Географического Общества. С 1895 года А. П. Мостиц постоянно работает в Кяхте. К первому заседанию ТКОРГО он оформил выставку находок и выступил с научным докладом. В 1895 году А. П. Мостиц отправляется в экспедицию по Селенге, а в 1896 году по Чикою. Им были опубликованы результаты исследований (1896, 1897). Всего на Чикое и на Селенге А. П. Мостиц открыл более 20 стоянок, а так же отмечены могильники. Он нанёс их на две специальные карты – первые в забайкальской археологии.

Ещё одним сотрудником и руководителем ТКОРГО был Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич (1850 – 1936 гг.). Он был польским дворянином, приехал Кяхту работать врачом, а так же заниматься

антропологией и археологией. Ю. Д. Талько-Грынцевич исследовал могильники и погребения, систематически раскапывал курганы с каменными кладками. Результаты исследований публиковал в Трудах ТКОРГО, уделяя внимание анализу обряда погребения, вещественному материалу и костным останкам человека. На основе этих наблюдений Ю. Д. Талько-Грынцевич предложил классификацию и периодизацию погребальных комплексов. В них нашли место грунтовые погребения, херексуры, плиточные могилы, погребения в срубках. Грунтовое погребение Тулту-Дабан он отнёс к каменному веку, плиточные могилы к эпохе металла, а погребения в срубках к гуннам. Херексуры Ю. Д. Талько-Грынцевич отнёс к каменному веку, но эта датировка оказалась не верной, они принадлежали к более поздней эпохе, но непонятно к какой – скифской или тюркской. В результате деятельности Ю. Д. Талько-Грынцевича и его коллег в Кяхте был создан краеведческий музей.

Особая страница в археологии Байкальской Азии связана с именем Бернгарда Эдуардовича Петри (1884 – 1937 гг.) и его учеников. Он приехал в Сибирь в 1912 году из Петербурга. Его раскопки многослойного поселения в Улан-Хаде на западном побережье Байкала впервые для этого района дали возможность увидеть археологические остатки в чётко стратифицированных условиях. В 1918 году Б. Э. Петри стал профессором Иркутского университета. Он занимается исследованиями в области археологии и этнографии. Основные усилия Б. Э. Петри направил на изучение археологии в Прибайкалье, но в своих обобщающих публикациях он анализировал сибирские древности в целом. Одними из его важных работ являются «Сибирский палеолит» (1923, 1927) и «Сибирский неолит» (1926). В 1926 году Б. Э. Петри посещает Забайкалье. Во время путешествия на озеро Косол в Монголию он избрал маршрут вдоль Селенги, что дало ему возможность непосредственно познакомиться с краем, о котором он писал в публикациях. Ему были известны стоянки, открытые у Кяхты, около Улан-Уде и Читы. Он понимал что Прибайкалье изучено лучше чем Забайкалье. Поэтому он рекомендовал и содействовал своим ученикам в изучении Забайкалья.

В 1924 году ученик Б. Э. Петри, студент ИГУ Георгий Францевич Дебец, совершил несколько маршрутов по Забайкалью: от Улан-Уде до Читы вдоль реки Уды, по Селенге на юг до Кяхты, по берегам Еравнинских озёр и озера Котокель, а так же изучил коллекции Кяхтинского и Читинского музеев. В публикациях Г. Ф. Дебеча впервые для Забайкалья применяется термин культура. Предпринимается попытка картирования культурных элементов и определения ареалов их распространения.

В 1926 году в низовьях Селенги побывал 18-летний Алексей Павлович Окладников, так же ученик Б. Э. Петри. В окрестностях сёл Кабанск и Фофаново он зафиксировал несколько разновременных стоянок, неолитическое погребение и петроглифы. Наиболее богатые находки были сделаны на Фофановой горе.

Ещё один ученик Б. Э. Петри – Георгий Петрович Сосновский, возглавил археологическую экспедицию в Бурят-Монголию в 1928 – 29 годах. Большинство памятников, открытых Г. П. Сосновским, относятся к эпохе металла. К позднему неолиту и энеолиту отнесены каменные орудия микролитического облика, керамика с гребенчатым и штрихованным орнаментом, а так же погребения с бусами из белой кости. К эпохе палеолита Г. П. Сосновский отнёс ряд стоянок с подъёмным материалом – Номохоново, Зарубино, Харанхой и др. Он полагал, что забайкальская палеолитическая индустрия близка к восточносибирскому и северо-китайскому палеолиту и отмечал общие типы орудий для Селенги, Ордоса, Енисея, Прибайкалья. Среди них назывались остроконечники, скрёбла, концевые скребки, пластины с ретушью, диски-нуклеусы, нуклеидные орудия, провёртки.

В виду проводимой политики тогдашнего руководства страны в конце 20-х и 30-х годов, у Б. Э. Петри постоянно возникали проблемы в работе и преподавании. В 1926 году был закрыт исторический факультет, Б. Э. Петри некоторое время преподавал на экономическом факультете до 1930 года. Потом недолго работал в облисполкоме. В 1937 году Бернгарда Эдуардовича арестовали и по ложному обвинению в шпионаже расстреляли.

Известный вклад в развитие четвертичной геологии забайкальского края внёс геолог и академик Владимир Афанасьевич Обручев (1863 - 1956). Он несколько лет посвятил изучению геологии зоны забайкальского участка транссибирской железной дороги. В. А. Обручев непосредственно осматривал многие разрезы отложений вдоль берегов Селенги и Хилка в тех местах, где в дальнейшем обнаружены древние памятники. Итоговые исследования о четвертичной геологии и геоморфологии Забайкалья были написаны В. А. Обручевым в 1920 – 1930-х годах.

В предвоенные и военные годы исследование Забайкалья приостановилось, а после войны возобновил исследования Окладников Алексей Павлович. В 1947 и 1948 годах он вёл рекогносцировку в долине р. Селенги и сборы подъёмного материала на уже известных и новых стоянках. В 1949 и 1950 годах раскопки на Нижней Берёзовке. В 1951 году выявлен памятник Ошуково с палеолитическими культурными слоями. В 1958 году в долине реки Уды Окладников открыл памятник Санный Мыс, а в 1968 году здесь было обнаружено первое палеолитическое жилище в Забайкалье. В 1973 – 1974 году исследование палеолитического поселения Варварина Гора. В 1976 – 1978 году раскопки поселения близ Усть-Кяхты.

В 1975 г. Окладников впервые упомянул раннеолитическую стоянку Мухино и стоянку Посольское. Открыты они были Окладниковым соответственно ещё в 1959 и 1949 году. Раскапывались П. Б. Коноваловым и Е. А. Хамзиной в 1959, 1962 – 1964 гг., но не были ими опубликованы.

Окладников опубликовал ряд обзорных статей о древней истории Забайкалья, самые важные из них: «Палеолит Забайкалья. Общий очерк» (1959), «Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк)» (1975). Поначалу он полагал, что палеолитическая культура Забайкалья по возрасту «мадлено-азильская», а по характеру однообразная. С открытием Санного Мыса представления изменились. Теперь к начальному этапу относится индустрия леваллуазского облика. Окладников ввёл леваллуазскую

проблематику в палеолитоведение Сибири. Он выводил эту традицию из Средней Азии и Монголии.

Забайкальский палеолит воспринимался Окладниковым как составная часть единокультурного палеолита Северной и Центральной Азии. Только для двух сибирских памятников допускалось исключение – Мальты и Бурети. Они представляют собой сильное и изолированное образование, вторгшееся 20-21 тыс. лет назад в автохтонное население Прибайкалья. Окладников видел корни этой культуры на Западе.

Окладников в программных построениях не выделял мезолит в самостоятельную эпоху. Его концепция основывалась на эпипалеолитическом варианте развития. Типичная палеолитическая культура Сибири продолжала существовать до неолитических комплексов с керамикой, а внутри неё, по характеру макролитической, вызревали новые элементы. Поэтому сибирский палеолит быстро сменяется неолитом. Мезолитом возможно назвать только самый конец палеолита, когда сформировался неолитический облик, но не было ещё керамики. Определяя путь развития сибирских культур как эпипалеолитический, Окладников противопоставлял его европейскому, по характеру микролитическому. Но в дальнейшем у А. П. Окладникова произошли изменения в построении концепций. На Дальнем Востоке он выделил мезолит. Затем в Монголии один из этапов позднего палеолита был назван мезолитическим.

О неолитической эпохе Забайкалья А. П. Окладников написал не очень много. Им были опубликованы краткие сведения о неолитических стоянках Мухино и Нижняя Берёзовка бассейна реки Селенги. На оценку селенгинского неолита повлияла разработка А. П. Окладниковым проблем прибайкальского неолита. Он предложил периодизацию из шести последовательных этапов: хиньским (5 тыс. до н. э.), исаковским (4 тыс. до н. э.), серовским (первая пол. 3 тыс. до н. э.), китойским (вторая пол. 3 тыс. – начало 2 тыс. до н. э.), глазковским (2 тыс. до н. э.). В дальнейшем хиньский этап А. П. Окладников определил как переходный от палеолита к неолиту.

Исаковский, серовский и китойский этапы были отнесены к неолиту, а глазковский и шиверский (кон. 2 тыс. – начало 1 тыс. до н. э.) этапы к бронзовому веку. Данная периодизация была создана, в основном, по материалам ангарских погребений, но так же использовались результаты раскопок могильников на Фофаново (р. Селенга), где были выявлены китойские, глазковские и шиверские погребения.

Сопоставляя археологические и этнографические материалы, А. П. Окладников приходит к выводу, что на территории Прибайкалья и Забайкалья, в Монголии и Северной Маньчжурии обитали родственные племена охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы, составившие пратунгусскую общность, от которых происходят эвенки, эвены и юкагиры. В целом, благодаря усилиям А. П. Окладникова археология бассейна реки Селенги обогатилась полноценными памятниками, такими как Ошурково, Санный Мыс, Нижняя Берёзовка, Мухино, Фофаново. Изучение культурных слоёв стоянок и погребальных комплексов позволили выявить характер и направленность развития древнего населения этих мест, вписать древнюю забайкальскую историю в общесибирский контекст. А. П. Окладников первый применил в Забайкалье методику разбивки обширных раскопов и послойно-поквадратную фиксацию находок. Однако разборка отложений «на штык» не позволяла провести точного разграничения культурных слоёв между собой и затрудняла определение их геологической позиции. А. П. Окладников усовершенствовал методику при раскопках стоянки Варварина Гора на реке Брянка в Бурятии.

Многочисленные экспедиции А. П. Окладникова в Забайкалье с 1947 по 1982 гг. стали полевой школой для большой группы исследователей. Его ученики и младшие коллеги внесли существенный вклад в изучение древней культуры Забайкалья и других регионов страны.

Зоя Александровна Абрамова (1925 – гг...), ученица А. П. Окладникова, археолог, доктор исторических наук, профессор. По окончании в 1951 ЛГУ работает в отделе археологии палеолита ИИМК АН СССР (РАН),

прошла путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. В 1948–50 гг. была участницей Бурято-Монгольской экспедиции в бассейне реки Селенга под руководством А.П. Окладникова. Защитила дипломную работу «Первоначальное освоение человеком Забайкалья», этой же теме посвящены ее первые научные публикации. З. А. Абрамова подошла к палеолиту Забайкалья с иных позиций, чем А. П. Окладников. Анализируя подъемный материал с кяхтинских стоянок, она наметила два комплекса: 1) с крупными архаичными формами каменных изделий; 2) с маленькими изделиями, изготовленными из того же материала (пластинки, нуклеусы-скребки, скребки). В дальнейшем З. А. Абрамова обратила внимание на тот факт, что листовидные двустороннеобработанные наконечники известны только на юге Забайкалья (Селенгинская Даурия), тогда как в Ошурково их нет. С открытием Санного Мыса З. А. Абрамова отметила, что эта стоянка выпадает из селенгинского комплекса и это позволяет говорить о двух традициях – западеой (селенгинской) и восточной (Санний Мыс и Икарал). Она выделила афонтовскую и кокоревскую палеолитические культуры на Енисее. Благодаря З. А. Абрамовой результаты исследований палеолита Забайкалья получили освещение в обобщающих публикациях по археологии СССР и палеолиту мира. Представляла российскую науку за рубежом, выступая с докладами на конференциях и конгрессах в Чехословакии, Италии, во Франции, в США, Алжире. Опубликовала более 60 работ в зарубежных изданиях.

Игорь Иванович Кириллов (14.12.1937, с. Сухобузимо Красноярского края – 18.6.2008, г. Чита), археолог, доктор исторических наук, профессор, член Международной академии социальных наук, заслуженный работник ВШ РФ (1998). По окончании в 1963 ЧГПИ преподаватель, с 1972 заведующий кафедрой истории, с 1974 проректор по науке, с 1988 заведующий кафедрой отечественной истории ЧГПИ–ЗабГГПУ. Участник археологических экспедиций А.П.Окладникова на Амуре и в Забайкалье Под его руководством защитил кандидатскую диссертацию «Каменный век Восточного Забайкалья» (1968) и докторскую диссертацию «Восточное

Забайкалье в древности». Возглавлял лабораторию археологии и этнографии, руководил Верхнеамурской археологической экспедицией. Организовал планомерные разведки древних памятников по рр. Ингода, Онон, Шилка, Аргунь, Хилок, Чикой. Открыл значительное количество древних поселений, погребений, петроглифов, жертвенников и т.д., в т.ч. археол. комплексы Сухотино, Дарасун, Аксеново-Зиловское, Дворцы, Кия, Зоргол, Ламинская Гора и др. Выявил неолитические могильники на оз. Ножий, у с. Молодовск и др. Вел раскопки древних поселений Санный Мыс, Чиндант, Амоголон, Арын-Жалга, Танга. Исследовал погребения культуры плиточных могил, бурхотуйской культуры и монгольского средневековья. Им выделены Ундугунская культура и Дворцовская культура, идентифицированы памятники эпохи сяньби. Изучал памятники русской архитектуры: Засопошное, Иргенский острог. Автор около 200 научных публикаций, в т.ч. шести монографий, трёх учеб. пособий. Ряд публикаций вышел в США и Китае. Инициатор создания Музея археологии Забайкалья в ЧГПИ. Руководитель научной школы археологов и историков. Член диссертационных советов в Новосибирске и Владивостоке. Активный популяризатор исторических знаний.

Михаил Васильевич Константинов (р. 22.11.1948, г. Сковородино Амурской обл.), археолог, доктор исторических наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук, заслуженный работник ВШ РФ, почетный гражданин Читы, почетный гражданин с. Красный Чикой. По окончании ЧГПИ (1969) работал на кафедре отечественной истории. В 1982–87 декан историко-филологического факультета ЧГПИ. С 1992 проректор по науке ЗабГГПУ. Возглавляет лабораторию палеоэкологии. Руководитель Чикойской археологической экспедиции. Под его руководством изучены археологические памятники от палеолита до этнографической современности. Среди них археологические комплексы Студеновский и Усть-Менза, древние поселения Куналей, Алтан, Приисковое, Шаман-Гора и другие. Им выделены

палеолитические культуры — толбагинская и куналейская. Автор научных публикаций по археологии и истории науки. Руководитель научной школы. Инициатор проведения всесоюзной (1986) и международной (1996, 2003) конференции в Забайкалье. Председатель Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук (с 1996). Председатель Ассамблеи народов Забайкалья (с 2002).

Александр Васильевич Константинов (р. 14.9.1956, г. Свободный Амурской обл.), археолог, педагог, доктор исторических наук (2004), профессор (2010). Окончил ЧГПИ (1977). С 1975 руководитель археологического кружка во Дворце пионеров и школьников г. Чита, участвовал в организации школьной археологической секции ЗМАН. С 1977 учитель истории читинских средних школ № 19, 40, заведующий отделом туризма и краеведения Дворца пионеров и школьников г. Чита, учитель, завуч читинской ср. школы № 3. С 1993 в ЧГПИ—ЗабГГПУ: старший научный сотрудник, руководитель научно-просветительского объединения «Музей» (1993), доцент кафедры гуманитарных наук (1995), заведующий кафедрой истории и теории культуры (2002), профессор кафедры истории (2009). Один из рук. Чикойской археологической экспедиции, руководил в экспедиции школьным лагерем «Юный археолог». Ведет раскопки многослойных поселений Усть-Менза-2, -14, Косая Шивера-1, -2 и др. Принимал активное участие в проведении всесоюзной (1986) и международных (1996, 2003) конференций в Забайкалье, РАЭСК в г. Чита (1980, 1988, 1999), школьных региональных конференций. С 1975 член, с 2010 председатель ЗОРГО. Член докторского диссертационного совета при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (с 2008). Популяризатор исторических и географических знаний. Кандидатская диссертация «Древние жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья» (рук. А.Д. Столяр) защитил в ЛГУ (1992), докторская «Древние жилища Забайкалья (палеолит,

мезолит)» — в ИИМК РАН. Автор более 100 научных и научно-популярных публикаций, в т.ч. монографии, учебных пособий. Редактор ряда научных сборников.

Семен Маркович Цейтлин (8.2.1920, г. Сухиничи Калужской губ. — 29.11.1996, Москва), геолог, доктор геолого-минералогических наук (1980). Из семьи служащего. В 1937 поступил на почвенно-географический факультет МГУ. После окончания 4-го курса выехал в Приморский край для работы в тресте «Золоторазведка». В годы ВОВ вел поиски золота на севере Забайкалья и на Амуре. Участвовал в определении алмазоносности ряда районов Восточной Сибири и открытии кимберлитов на Алданском щите. Завершил образование в Иркутском государственном университете (1942). После войны продолжил работу в геологических партиях в Сибири. С 1958 в Геологическом институте АН СССР. Продолжая дело В. И. Громова, изучал геологию палеолита Сибири, разработал методические приемы для определения геологического возраста культурных горизонтов древних поселений. Открыл серию палеолитических стоянок. В Забайкалье изучал геологию поселений Санный Мыс, Варварина Гора, Ошурково, Толбага, Куналей, Усть-Менза, Студеное. Подлопатки и др. Постоянно сотрудничал с А.П. Окладниковым, красноярскими, иркутскими, читинскими археологами. Являлся членом оргкомитета XI конгресса ИНКВА (Москва, 1982). Принял активное участие в организации и проведении Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986). Консультант по диссертациям и редактор ряда монографий забайкальских ученых. Автор поэмы, посвященной В. И. Громову. Завещал архив, полевые дневники и часть библиотеки лаборатории палеоэкологии ЧГПИ. Материалы архива частично опубликованы.

ГЛАВА 2

Студеное

Студёновский археологический комплекс. Находится в окрестностях с. Нижний Нарым в урочище Студеное на правобережье реки Чикой. Был открыт в 1970 году И. И. Кирилловым во время разведки по Чикой. В 1974 году работы начала археологическая экспедицией ЧГПИ по руководством М. В. Константинова. [М. В. Константинов, 1994] Комплекс представлен древними поселениями Студеное-1 и Студеное-2. Является центральным комплексом Студеновского археологического района, в который входят древние поселения Мельничное-1, Мельничное-2, Золотоносное, Колочное, Береговое, Поперечное, Нарым-6–8, Альбитуй-1–3, Усть-Гутай, Дальняя, петроглифы Гутайский Грот, Церковка, Альбитуйский керексур, Студеновский, Нарымский и Альбитуйские тюркские курганы, русская заимка Змеиная Горка, русские городища Мельничное и Студеновское.

По памятникам Студеновского археологического района прослежено непрерывное развитие культуры древнего населения Забайкалья от 30 до 2 тыс. л. н. Культурные горизонты в Студеном разделены четкими стерильными прослоями, обеспечивающими хронологическую расчлененность археологических проявлений. На поселениях комплекса обнаружено 16 палеолитических жилищ. Раскрыты жилища на поверхности галечников в основании разреза отложений 1-й и 2-й террас. По материалам данных поселений обосновано выделение в Забайкалье мезолитической эпохи.

На поселении Студеное-1 в разрезе отложений I-й надпойменной террасы выявлены 38 культурных горизонтов которые датируются от 12,8 до 2 тыс. л. н. Горизонты эпохи эпохи плейстоцена изучены на площади 600 м², эпохи голоцена изучены на площади 1060 м². Культурные горизонты 14–17, 18/1, 18/2, 19/1–19/4 (всего 10) датируются верхним палеолитом от 12,8 до 10,8 тыс. л. н. Эти горизонты связаны с коричневыми илистыми прослоями мощность которых 5–15 см. Поверхность обитания приходится на основание

этих прослоев. Нижний культурный горизонт (19/4) перекрывает поверхность галечника. В нем, а также в горизонтах 17, 18/2 выявлено по два жилища с одним очагом. Жилища имеют плотную каменную обкладку. В горизонтах 18/1, 19/3 выявлено по одному жилищу. В жилище горизонта 18/2 обнаружена основа костяного вкладышевого ножа из выпрямленного ребра копытного. Длина этого изделия 26,8 см. В жилище из горизонта 17 обнаружены следы от трех сгнивших деревянных изделий в виде тонких стержней длиной до 0,7 м. В горизонтах 14–16, 19/1 выявлена серия углистых пятен, кострищ и очагов. В жилищах и изредка рядом с ними найдены каменный инвентарь и кости животных (благородный олень, байкальский як, винторогая антилопа и др.). Культурные горизонты 13/1, 13/2 датируются ранним мезолитом (10,8–10,3 тыс. л. н.). Они представлены двумя углистыми пятнами с артефактами и обломками костей. Выше по разрезу отмечен перерыв в осадконакоплении, он приходится на период 10,3–8,0 тыс. л. н. Горизонты 1в, 2–12б связаны с черными тонкими прослоями голоцена. Горизонты 10а, 10б, 11а, 11б, 12а, 12б относятся к позднему мезолиту (8–7 тыс. л. н.), здесь обнаружены два углистых пятна диаметром 3,2 и 3,7 м с массовым вещественным материалом. Важные находки представлены крупным пазовым роговым орудием, дву-пазной костяной основой наконечника стрелы, двумя рыболовными крючками из рожков косули, двумя костяными стерженьками от сложносоставных крючков, охотничьей заколкой-укэн. Фауна – благородный олень, косуля, дзерен, лось. Рыба – елец, плотва, налим, щука. Далее идут горизонты неолита и более поздние горизонты, которые не затрагиваются в данной теме.

Поселение Студеное-2 связано со II-й надпойменной террасой реки Чикой высотой 9 м. Выявленных горизонтов - 14. Площадь вскрытия слоев плейстоцена составила 672 м² – 3, 4/1–4/6, 5, 6, 7/1, 7/2, 8 культурные горизонты. Площадь вскрытия слоев голоцена составила 817 м² – культурные горизонты 1а, 1б, 2). В шести палеолитических культурных горизонтах найдены остатки хозяйственных площадок и жилищ. В основании

пойменного аллювия на площади 188 м² изучен культурный горизонт 8, связанный с тонким слоем крупнозернистого песка, непосредственно перекрывающего древний галечник в основании террасы. В нем выявлены отдельный очаг и три жилища. Жилища имели по одному очагу. Диаметры жилищ около 3 м, очаги находились по центру. Два жилища были с округлой внешней каменной обкладкой. А одно с дугообразной внешней каменной обкладкой. Находки представлены чопперами, оббитыми гальками, скребком высокой формы, костяным шилом, осколками обожженных костей, зубами бизона и кабана. Возраст комплекса по углеродному датированию – 20,6 тыс. л. н. В горизонтах 4/6, 6, 7/1, 7/2 находки единичны. Приметны два шейных позвонка винторогой антилопы (культурный горизонт 7/2). В горизонтах 4/5 и 5 раскопаны сложносоставные жилищно-хозяйственные комплексы, имеющие шесть очагов (горизонт 4/5) и три очага (горизонт 5). Они вытянуты вдоль древнего уступа террасы. По длинным осям жилища ориентированы с севера на юг. Комплексы представлены очагами, углисто-золистыми пятнами, камнями внешних обкладок, хозяйственным инвентарем и фаунистическими остатками. Овальной формы жилищный комплекс в горизонте 5 имеет размер 12 x 7 м; В качестве строительного материала жилища использованы 65 галек и крупных речных валунов. Очаги имеют деформированную обкладку и расположены вдоль длинной оси жилища. О характере хозяйственной деятельности свидетельствует набор орудий: скребки, вкладыши для ножей по мясу, долотовидные изделия, резцы по кости и рогу, орудия для обработки дерева, песты для растирания охры, ретушеры, костяные игла и три шила. Особыми находками являются: «жезл начальника» из обломка рога северного оленя, скульптура головы лося и 12 круглых бусинок из талькового сланца, туфита и скорлупы яиц страуса (диаметр изделий – 0,3–0,6 см, размер биконических отверстий – 0,2–0,3 см). Фауна представлена носорогом, северным и благородным оленем, архаром. По углю из очагов жилище датируется возрастом 17–18 тыс. л. н. Аналогичный археологический материал содержит коллекция горизонта 4/5,

в котором изучен уникальный жилищный комплекс площадью 74,5 м², который имеет шесть очагов. Размер жилища 18,5 × 5 метров. Очаги имеют каменную обкладку, диаметр их колеблется от 1,35 до 1,6 м. Среди найденных предметов выделяются серия клиновидных микронуклеусов из яшмы, ромбовидные и круглые бусинки из риолита и скорлупы яиц страуса. Возраст жилища - 16–17 тыс. л. н. Участки хозяйственных площадок в горизонтах 4/1 и 4/4 представлены остатками кострищ и очагов, с которыми связаны углисто-золистые пятна и скопления каменных артефактов и фрагментов костей. В горизонтах 4/2, 4/3 находки единичны. В горизонте 3, возраст которого 12, 7 тыс. л. н., изучено округлое одноочажное жилище с каменной обкладкой диаметром до 5 м. Оно располагается в палеопочвенной прослойке кокоревского интерстадиала. С горизонтом 2 связаны скопления артефактов представленные скреблами, концевыми скребками, клиновидными микронуклеусами, угловыми резцами, обломками абразивного инструмента с тремя желобками для заточки, продуктами расщепления камня и осколками костей. Возраст 2-го горизонта - ранний мезолит 10,3–8 тыс. лет до н. э. В горизонтах 1а, 1б (почва и подпочвенная супесь; эпоха бронзы) представлены фрагменты керамики, каменные наконечники стрел, скребла, скребки, клиновидные микронуклеусы, микропластинки, отщепы.

Усть-Менза

Усть-Мензинский комплекс археологических памятников располагается в Красночикойском районе в Усть-Мензинском урочище при впадении реки Менза в реку Чикой. Открыт Чикойской археологической экспедицией в 1980–1981 гг в ходе разведки. Стационарные работы стали проводиться с 1982 года. Первые исследования вели Л. В. Семина, М. В. Константинов и А. В. Константинов. [А. В. Константинов, 2001] Являлся базовым для проведения в 1982–1995 гг. совместных археологических и геологических исследований. В 2003 году исследования возобновлены. Включает пять

основных памятников (Усть-Менза-1–5) и десять предварительно разведанных объектов (Усть-Менза-6–15), расположенных на высокой пойме и I–VI-й террасах.

Усть-Менза-1 – древнее поселение, близкое по характеру к Студеному-1. Оно связано с I-й террасой и высокой поймой реки Менза с высотами 5–6 м. Поселение изучено на площади 500 м². В отложениях имеющие мощность 4 м выявлены 25 культурных горизонтов. Культурные горизонты 11–25 связаны с плейстоценовым аллювием, а 1–10 – с полигенетическими и покровными отложениями голоценового возраста. Нижний культурный горизонт 25 базируется на русловом галечнике, а верхний 1-й заключен в современную почву. В культурных горизонтах 9, 11, 12, 20, 25 расчищены жилища с каменными обкладками имеющие по одному очагу. Жилище из горизонта 25 представлено обкладкой из 289 камней. Площадка этого жилища имеет размеры 5,0 × 4,5 м. Во всех жилищах обнаруживаются серии каменных изделий, сопровождаемые отщепами и фрагментами колотой кости. В горизонтах 2–8 находки столь же многочисленны, но рассеяны по площади или же группируются небольшими скоплениями. В горизонтах 1, 10, 13–19, 21–24 каменные изделия встречаются сравнительно редко. Примечательные изделия выявлены в горизонтах 11, 12 (костяной вкладышевый и костяной цельнорезный наконечники стрел). Керамика впервые появляется в горизонте 8, следы использования металла – в горизонте 2. Культурные горизонты датируются: 1–2 – эпохой бронзы, 3–5 – поздним неолитом, 6 – средним неолитом, 7–8 – ранним неолитом, 9 – поздним мезолитом, 10–12 – ранним мезолитом, 13–25 – поздним палеолитом – не древнее 13 тыс. лет. По углю из очагов ряда культурных горизонтов получены следующие радиоуглеродные даты: 1 – 2080 ± 140 (ГИН-4577); 2 – 2630 ± 50 (ГИН-4579); 11 – 10 380 ± 250 (ГИН-5459); 13 – 11 350 ± 250 (ГИН-5503); 14 – 11 820 ± 120 (ГИН-7161).

Многослойное поселение Усть-Менза-2 связано со II-й террасой реки Менза высотой 8–10 м. Поселение исследовано на площади 500 м². Раскоп

имеет ступенчатую форму с максимальной глубиной 9 м (до галечника) [А. В. Константинов, 2001]. Верхние 7,5 м отложений включают 31 культурный горизонт. Горизонты с 1 по 4 связаны с покровными отложениями, горизонты 5–9а–9г, 10а, 10б–27 связаны с аллювиальными. По периодам горизонты распределены следующим образом: 1–2 – бронза, 3 – неолит, 4–27 – поздний палеолит (не древнее 20 тыс. лет). Данные радиоуглеродной датировки некоторых горизонтов таковы: 2 – 4700 ± 50 (ГИН-6116); 17 – $15\,400 \pm 400$ (ГИН-5478), $16\,900 \pm 500$ (ГИН-6117); 20 – $16\,980 \pm 150$ (ГИН-5465); 21 – $17\,190 \pm 120$ (ГИН-5464), $17\,600 \pm 250$ (ГИН-5464). В горизонтах 4, 20–22 выявлены жилищные конструкции сложной формы. Примечательны горизонты 4, 20, где раскрыты жилищные конструкции, близкие к найденной на Усть-Мензе-3 в горизонте 4. Наиболее богаты предметным материалом горизонты 2, 4–6, 8.

Поселение Усть-Менза-3 находится на правобережном мысе реки Менза высотой 14 м, связанное со II-й террасой, аллювий которой накапливался в интервале от 25 до 13 тыс. л. н. Площадь исследованной территории составляет 496 м². Раскоп ступенчатой формы имеет глубину от 6,5 до 10 м. Выявлены 7 культурных горизонтов, из них 5 горизонтов палеолитические. В горизонте 5 встречены единичные находки. В горизонте 4 на глубине 5,5 м. расчищено овальное жилище размером 14 x 3 м, которое было ориентировано длинной осью с севера на юг. Комплекс состоял из 4 частей, в каждой части по одному очагу. Каждая часть имела внешнюю каменную обкладку и вещественный материал. Очаги так же имели обкладку. Находки представлены клиновидными микронуклеусами, пластинками, микропластинками, скребками, отщепами, осколками костей (322 экз.). Особо интересен след от обломка деревянного предмета длиной 0,8 м, шириной 0,1 м. 4-й горизонт датирован 16 тыс. л. н. В горизонте 3 с пятью золистыми пятнами связаны 280 каменных артефактов и приметный остроконечник из уплощенного рога. В горизонте 2а выявлены три крупных скребла, образующих «кладовочку». В горизонте 2 (ранняя бронза) раскопаны

полуземлянка, а также 10 очагов. Для них, как правило, выкапывались ямки, к-рые обкладывались камнями. Около очагов найдены изделия из камня, в т.ч. микронуклеусы, микропластинки, скребки, угловые резцы, проколки, скобели, долотовидные орудия, грузила, чопперы и фрагменты орнаментированной толсто— и тонкостенной керамики. Аналогичный материал характерен для культурного горизонта 1 (почва), кроме того, здесь найдены железный наконечник стрелы, кусочки шлака, абразивные инструменты. Горизонт датируется эпохой поздней бронзы – раннего железа. На поселении Усть-Менза-3 вскрыты два погребения, связанные с культурным горизонтом 2. В 1-м – с кольцевой обкладкой диаметром 5 м – костяк практически не сохранился, в заполнении могильного пятна найден обломок шлифованного нефритового ножа; во 2-м – в неглубокой ямке размером 1,2 x 0,9 м, засыпанной охрой, – сложены лицевая часть черепа, берцовые и некоторые другие кости скелета.

Санный Мыс

Поселение Санный Мыс открыто А. П. Окладниковым в 1958 году и под его руководством раскапывалось в 1968 году забайкальским отрядом археологической экспедиции ИИФиФ СО РАН АН СССР. Санный Мыс находится в долине реки Уда в 35 км ниже по течению от посёлка Хоринск (Бурятия, Хоринский район), на оконечности правобережной останцовой гряды Тапхар Хоринский. Гряда примыкает к 9-10-метровой надпойменной террасе II.

А. П. Окладников выделил на Санном Мысе семь культурных горизонтов. Они содержат материал от верхнего палеолита до эпохи бронзы. В 6-м культурном горизонте А.П. Окладников выявил фундамент овального жилища с тремя очагами в центре по длинной оси. [Окладников, 1971, с. 7-86]. Овал образовывали камни, примыкающие к скалистому останцу. Жилище было датировано верхним палеолитом. Ещё в процессе раскопок А.П. Окладников поднял вопрос о музеефикации жилища и создании на

Тапхаре археологического заповедника. С этой просьбой он написал письмо в Министерство культуры Бурятской АССР. Совет Министров Бурятии поддержал идею А.П. Окладникова и объявил памятники Тапхар и Санный Мыс входящими в заповедную зону. Но музеефикация ограничилась закреплением камней цементным раствором и установкой охранного знака, она так и не была доведена до конца. Но это всё же позволило сохранить жилище.

В 1980-х гг. назрела необходимость в проведении дополнительных работ на Санном Мысе для уточнения возраста и характера жилища, а также для детальной фиксации жилища на чертежах. Связанно это было с подготовкой в Бурятии свода памятников истории и культуры, В 1984-1985 гг. жилище изучалось археологической экспедицией Читинского педагогического института под руководством М.В. Константинова. В ходе работ был составлен детальный план жилища, пронумерован каждый камень обкладки, зарисованы профили, проведена нивелировка. Была заложена траншея, чтобы уточнить геологическую ситуацию рядом с жилищем. Это дало возможность зафиксировать отложения нижней части террасы и сделать определенные выводы относительно возраста нижних культурных горизонтов.

В 1996 году жилище демонстрировалось участникам Международного конгресса «100 лет гуннской археологии». Для представления разреза отложений рядом с жилищем вновь был поставлен раскоп. 1999 год – демонстрация жилища во время полевой экскурсии по археологическим объектам Удинской лесостепи, организованной для участников Международного симпозиума «Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез».

Стратиграфия

Как уже было сказано, всего А. П. Окладниковым выделено семь культурных горизонтов. 1-й горизонт залегал в почве. 2-й горизонт – в

подпочвенных песках. 3—5-й горизонты сложно разделять между собой и привязывать к конкретному литологическому слою из-за нечеткости границ между слоями и их деформации, возникшей вследствие мерзлотных процессов и проседания глыб. Так же условно разделены культурные горизонты 5 и 6. Они частично разрушены полевой дорогой. Только небольшой участок имел стерильный ненарушенный слой песка (0,9 м) между горизонтами 5 и 6. В 6-м горизонте обнаружено жилище, этот горизонт связан с основанием 6-го литологического слоя. Между горизонтами 6 и 7 был зафиксирован стерильный прослой мощностью 0,7 м.

Ниже приведено описание разреза жилища, выполненное в 1968 г. Д.-Д.Б. Базаровым по поперечному профилю.[А. В. Константинов, 2001]

Разрез юго-западной кромки жилища. Последовательность слоёв (сверху вниз):

	Мощность, м
1. Почва; темно-серая гумусированная супесь, пылеватая, мелкозернистая.....	0,2-0,4
2. Супесь тонкая, пылеватая, местами более грубая. В слое зафиксированы обломки щебня и мелких глыб, слоистость слабонаклонная.....	0,7
3. Супесь грубая, палевая с обломками щебня и глыб.....	1,0
4. Тонкое переслаивание грубой и тонкой глинистой супеси. Тонкая супесь мощностью от 0,2-0,3 до 10 мм, грубая — до 5-10 мм. Слоистость хорошо выраженная, волнистая, слегка наклонная в сторону р. Уда, угол наклона составляет 2-3°. В нижней части слоя (0,3 м) выделена линза с выраженной слоистостью.....	0,8
5. Супесь грубая, с тонкими прослоями более однородной негрубой супеси и среднезернистого песка. Слоистость заметно выраженная, горизонтальная.....	1,2
6. Песок разнозернистый с глинистыми примазками. В средней части наблюдаются линзы песка мелко- и среднезернистого, слоистость горизонтальная.....	1,0

В 1985 году, когда жилище изучалось М. В. Константиновым, этого разреза уже не было, так как он разрушился. Нижележащие отложения террасы не изучались в 1960-х гг. Чтобы продолжить геологическое изучение слоёв, исследователи проложили дополнительную траншею поперек террасы юго-западнее жилища. Глубина траншеи 2,8 м. Полученный разрез продолжал разрез Д.-Д.Б. Базарова, поэтому последовательность литологических слоёв сохранена.

Разрез (сверху-вниз):

	Мощность, м
7. Переслаивание желто-коричневых мелкозернистых иловатых (мощностью до 20-30 мм) и розовато-коричневых среднезернистых (мощность до 50 мм) песков. В толще слоя встречаются единичные тонкие (до 10 мм) серые иловатые прослойки. Слоистость горизонтальная. По форме слои волнистые, по простиранию прерывистые с деформациями и разрывами. Нижняя граница слоя постепенная.....	0,4
8. Неясное переслаивание розоватых и коричневых песков с линзами серых заиленных песков. Слоистость проявляется в чередовании лент крупно- и среднезернистого песка.....	0,9
9. Пески коричневые, мелкозернистые с линзами более грубого песка и включением гравия и щебня. Слоистость практически не прослеживается. Нижняя граница слоя четко выраженная.....	0,35
10. Переслаивание розовато-коричневого среднезернистого и серо-коричневого иловатого песков. Слои волнистые, невыдержанные, с небольшим падением в сторону реки.....	0,64
11. Зона дезинтеграции сиенитов, представленная крупными глыбами. Пространство между глыбами заполняют палево-шпатовая дресва с зернами кварца и каолинизированный суглинок.....	0,3

Общая ситуация по всему разрезу такова: Верхние слои 1–3 – это делювиальные отложения со следами частичной эоловой переработки. Нижние слои 4-10 – это аллювиальные отложения имеющие слабовыраженную горизонтально-волнистую слоистость, изогнутость, линзовидность слоев, следы мерзлотной деформации. По всей толще отложений рассеяны крупные глыбы сиенитов.

Жилище

Жилище имеет овальную форму. Контур выложен камнями, являющимися скальными обломками. Размер по внешней обкладке в ширину и длину: 5 x 10,25 м. Размер по внутренней кладке: 2,8 x 8,25 м. Внутренняя площадь жилища 18 м². По длинной оси жилище ориентировано с северо-запада на юго-восток. Глыбовый завал служил источником строительного сырья. Для обкладки использовано 116 камней. Треть использованных камней составляют глыбы более полуметра длиной, установленные на торцы или ребра и плоской поверхностью внутрь. Малые и средние камни заполняют пустоту между большими, подпирают и заклинивают их. Ширина обкладки варьируется от 0,3 до 1,3 м, высота камней доходит до 0,7-0,85 м [А. В. Константинов, 2001, с.125, М. В. Константинов, 1994, с. 96].

М. В. Константинов и А. В. Константинов условно делят жилище на четыре стороны: северо-восточная и юго-западная – длинные стороны, юго-

восточная и северо-западная – короткие стороны [А. В. Константинов, 2001]. Три стороны имеют искусственное происхождение. Четвертая (северо-восточная) сторона является краем развала глыб. Она может иметь естественное происхождение либо быть изменённой. Исследователи так же отмечают то, что глыбовый свал отчасти мог перекрыть или деформировать изначальный край жилища.

В северо-западной части с внутренней стороны к камням № 107-112, 114, 116 примыкает хозяйственная яма диаметром 0,7 x 1,2 м и глубиной 0,6 м. В яме найдены нижняя челюсть шерстистого носорога и обломок черепа горного козла. Северо-западную и юго-западную части обкладки условно делит череп шерстистого носорога между камнями № 1 и № 115. Возможно этот череп перекрывал вход в жилище. Выделяющимся в конструкции является камень №1, так как он стоял вертикально и в неустойчивом положении. М. В. Константинов и А. В. Константинов предположили, что он мог отодвигаться в сторону, расширяя вход [А. В. Константинов, 2001, с. 126, М. В. Константинов, 1994, с. 97]. Юго-западная часть обкладки сложена одним-тремя рядами камней, в основном крупных. Между камнями № 17 и № 21 найдены рога антилопы. Юго-восточная часть обкладки состоит из камней меньших по размеру чем, в других частях и сложена тремя рядами.

Пол жилища представлял ровную песчаную площадку, он совпадал с основанием камней. Внутри жилища находилось три очага округлой формы. Мощность заполнения очагов была 5-8 см. Диаметр крупного центрального очага 1,4 м, два других поменьше и диаметром 0,9 и 1,1 м. Малые очаги удалены от центрального соответственно на 2,4 и 1,8 м. Все очаги располагались вдоль длинной оси жилища.

Находки в жилище представлены: несколько оббитых желваков из кварцита, леваллуазский нуклеус из кварцита, грубое скребловидное орудие на отщепе из горного хрусталя подтреугольной формы с ретушью по одному краю, три отщепа. Из фаунистических остатков присутствуют: шерстистый носорог, горный козел, винторогая антилопа, бизон, северный олень.

Западнее жилища было найдено 76 отщепов, 2 подпризматических нуклеуса и несколько костей животных. Южнее жилища находки лежали ближе к полевой дороге.

Особенности в конструкции жилища таковы: 1) удлиненное основание; 2) нет каменных обкладок очагов; 3) есть хозяйственная яма внутри жилища; 4) Много камня в обкладке жилища. А. В. Константинов затронул вопрос реконструкции жилища на Санном Мысу [Константинов А. В. 129]. Вытянутый план жилища не даёт возможности построить на таком основании конструкции типа чума. А. В. Константинов предположил, что такому основанию жилища должна соответствовать шалашевидная конструкция на коньковой перекладине. Возраст жилища определяется серединой сарганской эпохи в пределах 18-20 тыс. л.н. [А. В. Константинов. 2001].

Варварина Гора

Поселение находится в 4 км севернее с. Старая Брянь (Бурятия, Заиграевский район) на левом берегу реки Брянка у подножия скалистой возвышенности – Варваринной Горы. Открыто в 1968 году Д. Б. Базаровым и Е. А. Хамзиной. В 1973 – 1978 гг. раскопки велись под руководством А. П. Окладникова. В ходе работ обнаружено палеолитическое жилище. Кости животных и каменный инвентарь (нуклеусы, пластины, отщепы, скребловидные орудия) располагались в пределах жилища, которое имело каменную обкладку. Вокруг так же были следы ям. [А. П. Окладников, 1976. С. 436].

А.П. Окладников предполагал, что часть ям служила хранилищами-кладовками. Одна яма-кладовка имела выстланные камнями стенки и дно. В заполнении этой ямы находились череп хищника и трубчатые кости лошади. По мнению А. П. Окладникова это было культовое захоронение головы хищника. [А. П. Окладников, 1976. С. 436]. Ситуация расположения находок внутри своеобразного фундамента жилища напоминала ситуацию с жилищем

на Санном Мысе [А. П. Окладников, И. И. Кириллов, 1980]. Каменный инвентарь так же был аналогичен. Исследователи в монографии привели дату, полученную по кости: $30\ 600 \pm 500$ (СОАН-850).

З.А. Абрамова при выделении жилища обращала внимание на характер формирования отложений. Их накопление чередовалось с размывами, которые создавали рывины глубиной до 1-1,5 м. О переотложенности материала, по ее мнению, свидетельствует каменный инвентарь, в котором сочетаются элементы подлинно мустьерские и, несомненно, позднепалеолитические.

В 1986 году работы на поселении проводились под руководством А. П. Дервянко, а в 1991 – 1994 гг. — Л.В. Лбовой. Было выявлено три уровня находок. Основной слой поселения (2-й уровень) был увязан с гумусовым горизонтом литологического слоя 5. Л.В. Лбова предполагает, что раскопом были выявлены два жилища, которые были вытянуты длинной осью по линии склона. Контуры жилищ прослеживаются по опорным камням, образующим дуги. Внутри зоны концентрации находок выделялись скопления-комплексы, связанные с углублениями (ямы-хранилища) с целыми крупными костями носорога, лошади, дзерена. Л.В. Лбова приводит план раскопок А.П. Окладникова 1977 года. На плане обозначено жилище № 1 и частично вскрытое жилище № 2. Камни внешней обкладки обозначены тёмным цветом. Они соединены пунктирной линией. На плане не обозначены ямы, которые обрамляли площадь жилища, а так же нет очагов [А. В. Константинов, 2001. С. 131].

На рис. 45а показан общий вид конструкции. План не сопровождается условными обозначениями. Выкладка камней имеет форму овала и вписывается раскоп. В центре находится шурф, заложенный в 1961 г. В шурфе есть находки, но нет камней. Может быть центральная часть комплекса была свободна от камней. На плане номерами обозначены заштрихованные скопления камней. А. В. Константинов задаётся вопросом,

что может быть это и есть ямы-хранилища? [А. В. Константинов, 2001. С. 134].

Для второго уровня были получены новые даты: 29 895 ± 1790 (СОАН-3054), 34 050 (АА8875) и 35 300 (АА8893). Л.В. Лбова датирует второй уровень находое периодом липовско-новоселовского потепления каргинского межледниковья.

Толбага

Поселение находится в отрогах хребта Цаган-Хуртэй на правом берегу р. Хилок (Читинская обл., Петровск-Забайкальский район) рядом с одноименным железнодорожным поселком. Расположено на склоне крутизной 10-12° в глубине амфитеатра, созданного сопками на высоте 30-60 м над уровнем реки. Поселение ориентировано вдоль склона, поперёк реки. Толбага открыта в 1971 году и изучалась в 1972, 1973, 1975, 1978, 1979, 1985, 1986, 1993, 1996 гг. археологической экспедицией Читинского педагогического института под руководством М.В. Константинова. Изученная площадь поселения составляет 800 м². М.В. Константинов выделил толбагинскую культуру, в неё входит ряд памятников, среди них Толбага и Варварина Гора.

Археологический материал частично переотложен и оказался в различных литологических слоях. М. В. Константинов выделил четыре литологических слоя. Им доказано, что поселение не является многослойным. [М. В. Константинов, 1994]. Все комплексы и большая часть материала связаны с 4-м литологическим слоем. Этот слой представлен серым карбонатизированным суглинком. Все хозяйственные элементы расположены ближе к основанию литологического слоя на глубине 25-30 см от его поверхности.

Культурный слой поселения хорошо сохранился – это позволило изучить планиграфию поселения и различные хозяйственно-бытовые комплексы. Выявленные хозяйственные комплексы не перекрывают друг

друга. На Толбаге длительное время поверхность обитания была одна и та же, люди селились здесь многократно. На поселении сложно различить жилища в массе очагов и материала, чётко выраженных одинарных жилищ с очагами и обкладкой не наблюдается [А. В. Константинов, 2001]. На поселении выявлено 24 очага, хозяйственная яма, выкладки обрамления жилищ. Очаги № 5, 6, 7, 23 углублены в грунт на 15-20 см, у очага № 5 стороны выложены плитками. У очагов без заглубления удлинённой формы золистая масса растеклась вниз по склону.

По мнению М.В. Константинова, «на возможность выделения жилищ указывает бесспорное существование определенных культурных элементов и их внешних взаимосвязей: 1) очагов, образующих связи в виде «пар», «квадратов», «линий»; 2) каменных (гнейсовых или гранитных) плит размерами 20-40 см, расположенных системно в виде полос, цепочек или дуг протяженностью 7—10 м и представляющих намеренные выкладки; 3) соотношение между очагами и каменными выкладками, при котором очаги оказываются как бы во внутреннем пространстве, образованном выкладками» [М. В. Константинов.1994, с. 49].

На поселении выделено пять жилищ. Лучше сохранилось жилище № 1 представляющее собой овал из камней. Западная сторона жилища имеет полуовальную каменную обкладку диаметром до 6 м. Камни в обкладке лежали «плашмя» или слабонаклонно, вплотную или на некотором удалении. Отдельные камни образовывали цепочки, скопления. Внутри обкладки находилось четыре очага. Выше по склону севернее от очагов расположен один камень, а ниже по склону расположено около десяти камней. С восточной стороны выраженной кладки нет, но здесь наблюдается скопление небольших кусков щебня. Дуговая обкладка и щебень образовывали почти симметричную окружность диаметром 6 м. С южной стороны обкладки лежали плитки, которые стояли на ребре. Эти плитки обрамляют вход в жилище.

Жилище № 4 изучено частично. Здесь выделяется фрагмент дугообразной внешней обкладки с очагом № 24 в центре. С южной стороны выделяется вход в виде коридора, который похож на вход в Жилище № 1. Жилище № 3 так же имеет обкладку из 75 камней в виде дуги с очагом № 15 в центре. В жилище № 3 обнаружено уникальное скульптурное изображение головы медведя, так называемый «Толбагинский медведь».

В зоне между жилищами № 1 и № 4 выявлено три очага (№ 21-23) и хозяйственная яма. Вокруг много артефактов, фаунистических остатков, мелких обломков камня. М.В. Константинов считает, что здесь первоначально располагалось жилище, а потом оно использовалось как место для отходов [М. В. Константинов, 1994, с. 50].

В раскопе № 2 выделено большое 12-очажное жилище с двумя линиями очагов без внешней обкладки. Его размеры 12 x 6,4 м. Внутри очагов и около них много находок. Вдоль одной из линий очагов тянется полоса из плиток гнейса, но они слишком мелкие и невыразительные. Так как отсутствует каменная обкладка, то граница жилища проведена условно по зоне наибольшего распространения находок.

Исследователи имеют сомнения по поводу выделения данного жилища. Дело в том, что предполагаемая линия жилища проведена почти вплотную к очагам, которые расположены в южной и северной стороне. «Если же границу жилища отнести минимум на метр к западу и востоку от очагов № 3, 10, 14, то ширина жилища увеличится до 8,5 м. При сооружении жилища с такой шириной возникает много конструктивных сложностей. Резко увеличивается площадь покрытия. Напомним, что ширина шестиочажного жилища с внешней обкладкой на Студеном-2 (культурный горизонт 4/5) — 5 м. На плане действительно можно видеть две линии очагов, но только в северной и центральной части. С южной стороны этого уже не наблюдается. Линия очагов № 3, 4, 8, 9 расположена совершенно в другом направлении. На наш взгляд, здесь, скорее всего, две линии многоочажных (по три—пять

очагов) жилищ, которые последовательно сменяли друг друга» [А. В. Константинов, 2001, с.138].

Для Толбаги по кости получены радиоуглеродные даты – $34\ 800 \pm 2100$ (СОАН-1522), $27\ 210 \pm 300$ (СОАН-1523). По датировкам поселение является древнейшим в Забайкалье.

Ниже приводится — в соответствии с наблюдениями Д. Б. Базарова, Л. Д. Базаровой и автора — полный стратиграфический разрез памятника:

	Мощность (в м)
1. Почвенно-пахатный супесчаный слой, темный, граница с нижележащим слоем четкая	0,20
	0,2
2. Супесь темно-каштановая, с рассеянной дресвой и отдельными включениями щебня. Наблюдаются ожелезненные разводы, прожилки. На одном из фронтальных (по отношению к реке) разрезов в основании слоя прослеживается черный гумусированный прослой мощностью 10—12 см, обозначенный как 2А	0,2
3. Супесь светло-коричневая, местами желтоватая с дресвой и в меньшей степени щебнем, неслоистая	0,2
4. Суглинок серый, карбонатизированный, с рассеянной дресвой и щебнем, неслоистый. Верхняя поверхность волнистая. Граница подошвы нечеткая постепенная, с ритмичными западинами, увеличивающими мощность слоя на 15—20 см. На одном из участков при горизонтальной расчистке, а затем и на профиле замечена тонкая (1—3 см) темная гумусированная прослойка (4А). На одном из фронтальных профилей установлена микрорытвина, в которой сохранилось переслаивание двух прослоек темно-серых палеопочв мощностью 5—7 каждая и такой по мощности светло-серой прослойкой между ними. В верхней части раскопов слой нарушают две древние овражные промоины шириной 1—4 м, затянутые отложениями из слоя 3.	0,3—0.5
5. Щебнисто-древянистый слой с супесчаным заполнителем, неслоистый. В слое имелись линзы тонкозернистого слюдяного песка, образовавшегося в следствии разрушения гнейсов	0,20
6. Песок тонкозернистый, темно-серый с сиреневым оттенком, слюдястый, с щебнем и дресвой гнейсов. В верхней части прослой желтовато-коричневого песка мощностью 5 см с горизонтальной слоистостью. В нижней части увеличивается масса грубообломочного материала	0,30
7. Песок серый, мелкозернистый, со слюдой, с большим количеством грубообломочного материала: глыб, щебня, дресвы. В средней части прослой неслоистого тонкозернистого темно-серого песка с щебнем, дресвой и обломками глыб мощностью 5 см. Нижняя часть слоя образована в основном плоскостатными, средних размеров глыбами	0,45

8. Песок мелкозернистый, слюдистый, рыжевато-коричневый, с глыбами, щебнем, неслоистый	0,15
9. Суглинок сизовато-серый, с глыбами, щебнем, линзами мелкозернистого темно-серого слюдистого песка. В нижней части наблюдается хорошо выраженная горизонтальная слоистость, которая обусловлена тонким переслаиванием сизовато-серого суглинка с тонкими прослоями желтого мелкозернистого песка	0,30
10. Супесь коричневая, с щебнем и дресвой, линзами выветрелых гнейсов, неслоистая	0,20
11. Глыбы плитчатые выветрелые, с щебнем и разнозернистым темно-серым песком	0,40 (видимая)

ГЛАВА 3

Прибайкальская стоянка Мальта

Первые в Сибири жилища были обнаружены в поселении Мальта. Она находится на реке Белой Усольского района Иркутской области. Изучалось под руководством М.М. Герасимова в 1928-1930, 1932, 1934, 1936-1937, 1956-1958 гг. Мальта приобрела всемирную известность.

По результатам работ 1928 – 1930 гг. были подготовлены статьи. [М. М. Герасимов, 1931а, б]. В них проводится анализ геологического разреза, фауны, каменной индустрии, скульптуры, дается описание погребения, но очень мало уделено описанию жилища. М.М. Герасимов пишет, что значительные скопления культурных остатков, включающие в себя крупные трубчатые кости, лопатки, черепа мамонтов и носорогов, рога северных оленей, плиты известняка, тянулись грядой вдоль края террасы. М. М. Герасимов делает предположение, что плиты известняка огораживали основания шалашеобразных жилищ.

М. М Герасимов дает описание одного скопления. Оно имеет вид четырехугольника 3 х 4 м, который ограничен со всех сторон плитами.

Посредине жилища находился очаг, вокруг которого и над ним находилась масса золы, пережженных костей и мельчайшие кусочки древесного угля. Было найдено погребение, связанное с жилищем. В середине 1930-х гг. М.М. Герасимов продолжил раскопки в Мальте. В 1934 г. было обнаружено три культурных комплекса. Скопление костей и плит в комплексах 1 и 2 имели обычный вид для стоянки. Комплекс № 3 имел некоторые особенности. В нём был вал длиной 9,0 м и высотой 0,9 м, состоящий из земли и костей животных, а сверху местами лежали плиты известняка. С внутренней стороны вала находились кости животных. Комплекс в центральной части имел углубление на 1,0-1,5 м ниже верхней части вала. Комплекс интерпретирован как землянка.

М.М. Герасимов начал проводить новые работы в 1956-1958 гг. Но опубликованы были только материалы 1956-1957 гг. [М. М Герасимов, 1958, 1961]. В 1956 г. было изучено большое жилище № 9 длиной 14 м и шириной 5-6 м. М.М. Герасимов достаточно подробно описывает характер скопления, восстанавливает первоначальный облик и процесс разрушения жилища. Обращает внимание на особенности пространственной позиции находок: в тайничках, у стен жилища, рядом с очагом. М.М. Герасимов выделял мужскую и женскую зоны в размещении инвентаря — «у правого очага размещался мужской инвентарь (охотничьи орудия и изображения птиц), у левого — женский (ножи, скребки, иглы, шилья, украшения, женская статуэтка)».

В 1957 г. было выделено еще пять жилищ разных размеров и форм (№ 10-14). Из них подробно в статьях М.М. Герасимова описаны два жилища, о других сведения предельно краткие. Указывалось, что два жилища имели форму чума и слегка углубленное блюдцеобразное основание с очагом в центре. В одном из жилищ под очажным пятном в неглубокой выемке, края которой выложены маленькими плитками, найдены остатки молодого мамонта.

Одно из жилищ представляло собой полуземлянку. Она примыкала к

наземному жилищу, от которого сохранилась дугообразная стена, сложенная из крупных плит, черепов носорогов, мамонтов и трубчатых костей этих животные. В глубине жилища у правой стены лежал череп носорога. По мнению М.М. Герасимова, он использовался в качестве сидения и одновременно тайника. К этому жилищу примыкало жилище с округлым основанием из массивных плит известняка диаметром около 4,5 м . Оно сохранилось лучше других. Раскопки его были проведены с предельной тщательностью и это позволило воспроизвести его в виде модели размером 1 :10. М.М. Герасимов пишет, что мысль о реконструкции жилища возникла в результате того, что при раскопках были выявлены такие детали конструкции жилища, которые не встречались ранее ни на стоянке Мальта, ни на других поселениях верхнего палеолита. Он предположил, что жилище, несмотря на его небольшие размеры, могло служить убежищем для 8-10 человек при условии, что взрослых было не более 4-5.

М. М. Герасимов считал, что все жилища на поселении существовали одновременно на протяжении относительно короткого промежутка времени. В пользу этого, по его словам, свидетельствует стратиграфия памятника, его планировка, отсутствие следов перестроек и переделок, а также причина гибели всего лагеря. Он считал, что лагерь был оставлен людьми в результате резкого повышения уровня воды в реке и затопления ею территории лагеря. Жилища были брошены людьми, и этим объясняется наличие на поселении большого числа ценных вещей: женских статуэток, скульптур птиц, орудий труда.

Мальтинские исследования анализировал А.А. Формозов. [А. А. Формозов, 1976]. А.А. Формозов воспроизводит по годам картину раскопок, определяет место и характер жилищ, отмечает ряд неточностей в статье М.М. Герасимова по раскопкам 1930 г. Обобщив данные планиграфии поселения, А.А. Формозов приходит к выводу, что жилища были вытянуты цепочкой вдоль реки. В центре этой линии находилось единственное на стоянке длинное жилище № 9. Ниже его по реке располагалась группа из четырех

жилищ (№ 1-4), выше группа из шести жилищ (№ 10-15). Третья группа из четырех тесно расположенных жилищ была смещена ближе к реке (жилища № 5-9 в раскопках 1934, 1937 гг.).

В 1990-е гг., после длительного перерыва, возобновились полевые работы на Мальте под руководством Г.И. Медведева. Основная часть поселения уже была изучена М.М. Герасимовым, тем не менее раскопки окраинного участка позволили по-новому взглянуть на уникальный памятник. Были получены важные данные по стратиграфии, установлено наличие нескольких культурных слоев.

Подводя итог, М. М. Герасимовым впервые в Сибири были обнаружены и описаны жилища. От простого упоминания о них или краткого описания в первых публикациях он переходит к подробному их анализу, занимается реконструкцией и моделированием. Жилища рассматривались им в комплексе с другими элементами культурного слоя, предпринимались попытки в целом воссоздать облик поселения. В ряде случаев детально рассматривался состав находок, их расположение внутри жилищ. Однако критические замечания в адрес М.М. Герасимова и его «мальтинского наследия» в последующем вполне оправданы, так как возобновившиеся в 1990-х гг. полевые работы на Мальте дали новые материалы, позволили во многом по-новому взглянуть на известный памятник, но пока не дали ответов на ранее поставленные проблемы.

Жилища Мальты и Забайкалья имеют разный подход к строительству. Главные отличия мальтинских жилищ от забайкальских в том, что на Мальте строили в том числе углубленные жилища (глубина доходила до 0,6 м), при сооружении жилищ широко использовались кости животных — трубчатые кости и черепа мамонтов, шерстистых носорогов, рога северных оленей. Причина подобного кроется, на наш взгляд, в существенной разнице палеогеографической обстановки. В Прибайкалье в «мальтинское время» был широко распространен мамонт, шерстистый носорог, северный олень, и кости этих животных служили одним из основных материалов для сооружения

жилищ. Климат здесь был более мягким в сравнении с Забайкальем, выпадало больше снега. Вследствие этого земля промерзала меньше и на более короткий срок, что давало возможность строить углубленные жилища. Вместе с тем в основных конструктивных подходах к сооружению жилищ много общего. Основным мальтинским жилищем был чум.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью забайкальских жилищ является то, что все они наземные. Крайне редко встречаются углубленные очаги и хозяйственные ямы. Все жилища были кратковременными, сезонными. Еще одна особенность забайкальских жилищ в том, что человек практически не использовал кость для их сооружения. В жилище протекала основная хозяйственная и бытовая деятельность человека, что объясняется экстремальными природными условиями. Центром этой деятельности были

очаг и приочажная зона.

Существуют различные типы жилищ — одинарные (одноочажные), сложносоставные, большие многоочажные.

Одинарные жилища выявлены на всех многослойных поселениях (кроме Усть-Мензы-3). Такое жилище было конической формы — чум. Одинарные жилища имеют размеры основания от 1,7 x 2,6 до 4,4 x 5,1 м. В центре располагается небольшой очаг, обычно с округлой или дугообразной внешней обкладкой.

Второй тип жилищ — сложносоставные. В них три-четыре очага с тяготеющими к ним камнями и предметным материалом. Выявлены всего три сложносоставных жилища (Усть-Менза-2 — два, Усть-Менза-3 — одно). Жилища, возможно, являются остатками длинных жилищ с несколькими очагами под единой коньковой жердью. Есть другой вариант интерпретации, который заключается в том, что это одинарные вплотную расположенные жилища. Размеры оснований сложносоставных жилищ варьируют от 3 x 9 (?) до 3 x 14 м.

Третий тип — большие многоочажные жилища. Для них характерны очаги (от 3 до 6), расположенные по центральной оси, предметный материал, внешняя обкладка. Они выявлены на Санном Мысе, Студеном-2 (культурные горизонты 4/5, 5), Усть-Мензе-2 (22-й горизонт), Сухотино-4 (6-й горизонт), Толбаге.

Литература

Верещагин С. Б. Древнее поселение Усть-Менза-1: новый этап исследований // Гуманитарный вектор – Чита, 2011. Вып. 3(27) – с. 5 – 9.

Верещагин С. Б. Опыт изучения древних жилищ Забайкалья на позднеплейстоценовых галечниках // Гуманитарный вектор – Чита, 2012. Вып. 2(30) – с. 9 – 13.

Герасимов М.М. Мальта - палеолитическая стоянка. - Иркутск, 1931а. - 32 с.

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка в Мальте // Сообщения ГАИМК. 1931 б. № 11-12. - С. 55-57.

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956-1957 гг.)// СЭ.1958. № 3. - С. 28-52.

Герасимов М.М. Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. 1961. Вып. 82. - С. 28-53.

Копопацкий А.К. А.П. Окладников и музейное дело в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. – Новосибирск, 1984. – С. 24 – 31.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 200 с.

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). – Новосибирск, 2001. – 224 с.

Лбова Л. В. Палеолитическое поселение Варварина Гора // Новые палеолитические памятники Забайкалья (К Всемирному археологическому интерконгрессу, 1996). – Чита, 1996. – с. 11-23.

Окладников А.П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (Раскопки 1968) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. Вып. 2. – С. 7 – 86.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.

Окладников А.П. Варварина Гора – новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом // История и культура Бурятии. – Улан-Уде, 1976. – с. 436 – 437.

Сергин В.Я. Палеолитические жилища поселения Мальта: (Раскопки 1928-1932 гг.) // РА. 1996. № 2. - С. 143-155.

Формозов А.А. К характеристике палеолитического поселения Мальта // СА. 1976. № 2. - С. 205-210.

